

СТРАШНЫЙ В РЕЖИМЕ РЕАЛЬНОГО СУДА ВРЕМЕНИ

НА СЦЕНЕ МОСКОВСКОГО «ТЕАТРА.DOC» НОВЫЙ СПЕКТАКЛЬ — «ЧАС ВОСЕМНАДЦАТЬ». РОВНО СТОЛЬКО УМИРАЛ ЧЕЛОВЕК, КОТОРОМУ БЫЛА ОКАЗАНА ЕДИНСТВЕННАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ: ФИКСАЦИЯ НАРУЧНИКАМИ

Автор: Ольга Фукс

16 ноября 2009 года в следственном изоляторе умер юрист фонда Hermitage Capital Сергей Магнитский. Незадолго до смерти он вскрыл факт массовых хищений представителями силовых ведомств из российского бюджета на сумму в несколько миллиардов рублей. Вскоре после этого его обвинили в уклонении от уплаты налогов. Последовал арест. Комиссарами ООН условия его содержания под стражей приравнены сейчас к пыткам. Члены Европарламента большинством голосов проголосовали за введение финансовых и визовых санкций против российских чиновников из «списка Магнитского» — тех, кто был причастен к его гибели и намеренному не оказанию ему медицинской помощи. Президент Медведев дал поручение Генпрокурору

и Минюсту взять расследование обстоятельств смерти Магнитского под особый контроль.

О Магнитском не написано еще книг, не снято фильмов. Наиболее внятно на эту трагедию откликнулся театр, который часто обвиняют в инертности, неактуальности, отсутствии связи с современностью и, как следствие, — в идеологической безопасности. И вот на маленькой сцене «Театра.doc» появился спектакль «Час восемнадцать». Ровно столько умирал от панкреонекроза человек, которому была

оказана единственная медицинская помощь: «мягкая фиксация» наручниками. «Час восемнадцать» был создан на средства самого театра. Часть актеров занималась сбором драматургического материала, куда вошли дневники и письма Магнитского, материалы следствия, Общественной наблюдательной комиссии по контролю за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания. Очередь желающих посмотреть его растянулась на несколько месяцев. Денег за билет не берут. Зал вмещает всего несколько десятков человек. Но это та капля, которая точит камень.

Непосредственные виновники трагедии отказались говорить о Сергее Магнитском с драматургом Еленой Греминой и режиссером Михаилом Угаровым. Так что получившийся спектакль поставлен не совсем в технике verbatim, которая стала основной в Театре.doc. Но и художественным вымыслом назвать «Час восемнадцать» не поворачивается язык. Уж больно знакома по комментариям в блогосфере эта агрессивно-равнодушная интонация: дескать, сам виноват, можно было договориться.

Формула «играя злого, ищи, где он добрый» отброшена за ненадобностью. Спектакль, облеченный в форму Страшного суда, лаконичен и яростен, но при этом избегает политических деклараций. Создателям спектакля не важна степень вины или невинности подследственного Магнитского. Называя реальные имена, они воссоздают типичную ситуацию встречи человека с бездушной государственной машиной, которую всегда приводят в действие конкретные люди...

Авторы «Часа восемнадцати» используют почти плакатные ходы — обвинительную речь матери Магнитского Натальи Николаевны (актриса Анастасия Патлай) и

Пластический этюд: алгоритм движения человека с панкреонекрозом, от которого умер Сергей Магнитский

«Вы хотите знать, человек ли я: Нет!
Судья не человек»

оправдательные речи основных обвиняемых. А именно судья Алексея Криворучко, не давшего подследственному стакан кипятка, чтобы развести горячую кашу («Я не проводник, чтобы чай разносить»). Врача «Матросской Тишины» Александры Гаусс, прописавшей ему за час восемнадцать до смерти наручники вместо немедленной операции («В мои обязанности входит выявлять симулянтов!»). Следователя Олега Сильченко, предлагавшего «договориться» в обмен на лечение («Ведь все можно! И горячее питание, и телевизор в камеру, и жену привезти»). Судьи Елены Сташиной, для которой неправильная закорючка в медсправке стала поводом отказать Магнитскому в лечении за четыре дня до смерти («Вы хотите узнать, человек ли я? – говорит стальная леди. – Нет! Судья не человек!»).

Но еще неизвестно, кто страшнее: эти бездушные функционеры в судебных мантиях, или «народ», представленный двумя симпатягами, медсестрой и медбратом с ближайшей подстанции «Скорой помощи». Одна ни разу не повернулась к больному, которого перевозили из одной тюрьмы в другую, лишь сделала погром-

че радио, другой охотно откликнулся на просьбу конвоя выйти погулять и прогулял в коридоре те самые час восемнадцать, наслаждаясь новым мобильником. Этой радостью он пытается поделиться с залом, напарываясь на неподдельный окрик одного из зрителей: «А с Магнитским-то что?!»

Отдельное «заседание» этого Страшного суда отведено под следственный эксперимент. Двое отрабатывают этюд (точно педагог со студентом на занятиях по пластике): алгоритм движений человека с панкреонекрозом, при котором он испытывает «боль кинжального характера, расходящуюся паутиной по телу». Без операции такому не прожить больше пяти часов.

А жизнь, между тем, предлагает авторам фактуру, которую трудно выдумать. Из писем Магнитского (его озвучивает режиссер Борис Хлебников) мы узнаем, что в тюремной библиотеке он попросил Шекспира и обнаружил, что из «Гамлета» вырвана страница с монологом «Быть или не быть». Что ни говори, а это лучший гимн театру посреди гневных филиппик человеку.

Но как минимум одно допущение постановщики все же себе позволили. На Страшном суде судья Криворучко оказывается в ситуации Магнитского: у него тоже, понимаете, боли, и ему тоже нужен кипяток. Но вот беда – денег хватает только на воду, но не на стакан. И льется кипяток в подставленные руки, точно выпуская на свободу вместе с криком судьи крик, копившийся весь спектакль. Но прежде Криворучко попросит стакан у зрителей, заставив каждого задуматься, стоит ли помогать тому, кто сам поступил, как бездушный автомат, а мучается, как человек. И кожей ощутить, что доброта не логична, она выше логики и важнее справедливости.

ВЫРВАННАЯ КЕМ-ТО ИЗ ЗАКЛЮЧЕННЫЙ СТРАНИЧКА С МОНОЛОГОМ «БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ» – ЛУЧШИЙ ГИМН ТЕАТРУ ПОСРЕДИ ГНЕВНЫХ ФИЛИППИК ЧЕЛОВЕКУ.

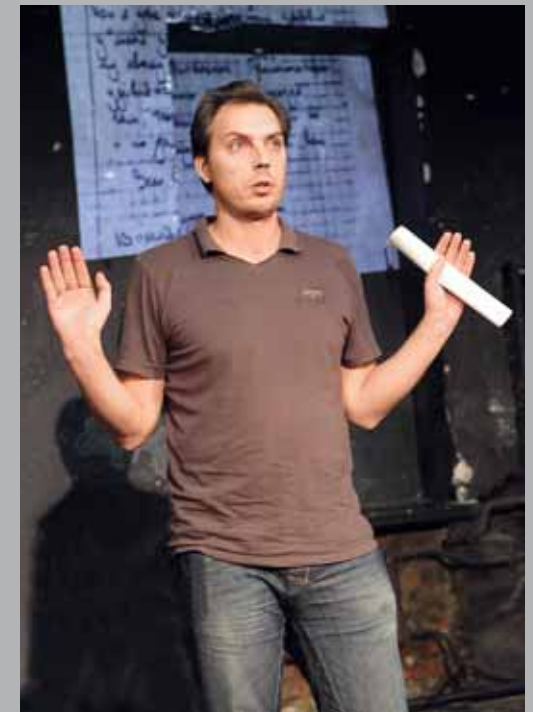
JUDGMENT IN REAL TIME DAY

A NEW PRODUCTION ON THE STAGE OF THE MOSCOW "TEATR.DOC" THEATRE – "AN HOUR AND EIGHTEEN MINUTES". THIS IS EXACTLY HOW LONG IT TOOK A MAN TO DIE, AFTER THE ONLY MEDICAL ASSISTANCE THAT WAS PROVIDED TO HIM WERE A PAIR OF HANDCUFFS.

Author: Olga Fuks

On November 16, 2009, Sergei Magnitsky, a lawyer for the Hermitage Capital, died in a Moscow detention facility. Shortly before his death he uncovered a series of large-scale embezzlements from the Russian state budget by representatives of the law-enforcement agencies in the amount of several billions of rubles. Soon after he was accused of tax evasion. This was followed by his arrest. UN Commissioners have now equated the conditions of his confinement to torture. Members of the European Parliament overwhelmingly voted to introduce financial and visa sanctions against the Russian

officials from "the Magnitsky list" – those who played a part in his death and deliberate failure to render medical assistance to him. President Medvedev instructed the Attorney General and the Justice Department to take special charge of the investigation of the circumstances surrounding Magnitsky's death.

As of yet, no books have been written about Magnitsky, no films made. The only one who responded to this tragedy most clearly was the theatre, which is so often accused of passivity, irrelevance, disconnect with the present and, as a result, ideological cautiousness. And then the small stage of “Teatr.doc” put forth the production of “An Hour and Eighteen Minutes”. This is exactly how long it took a man to die from necrotizing pancreatitis, after the only medical assistance that was provided to him was «gentle restraint” with handcuffs.

“An Hour and Eighteen Minutes” was produced at the theatre’s own expense. Some of the actors collected dramaturgical materials, which included Magnitsky’s diaries and letters, materials from the investigation and the Public Oversight Commission for Human Rights Observance in Moscow Detention Centers. The tickets are free. The theatre only holds several dozen people. But this is the drop that wears away the stone.

Those responsible for the tragedy refused to talk about Sergei Magnitsky with playwright Elena Gremina and producer Mikhail Ugarov. So the finished production does not quite follow the Teatr.doc’s principal verbatim technique. But at the same time “An Hour and Eighteen Minutes” can hardly be called artistic fiction. This aggressively-indifferent tone is a bit too familiar, to be sure, from the comments in the blogosphere: it’s his own fault, as they say, he could have made a deal. The formula “while playing the villain, look for the good in him” was cast aside as useless. The production in the form of the Judgment Day is laconic and vehement, but paradoxically it avoids making political statements. The creators of the show do not care about the degree of guilt or innocence of the suspect Magnitsky. By naming real names, they recreate the typical circumstances of

a man’s encounter with the heartless state apparatus that is always activated by concrete people...

The authors of “An Hour and Eighteen Minutes” use almost poster moves – the accusatory speech by Magnitsky’s mother Natalia Nikolaevna (actress Anastasia Patlay) and exculpatory speeches by the principal defendants. More specifically, by Judge Alexei Krivoruchko, who would not give the prisoner a glass of boiling water to make hot cereal (“I am not some train conductor to be bringing tea around”). By the Matrosskaya Tishina detention center doctor Alexandra Gauss, who an hour and eighteen minutes prior to his death prescribed him a pair of handcuffs instead of an immediate surgery (“My duties include exposing fakers!). By investigator Oleg Silchenko, who offered him to “make a deal” in return for medical treatment (“You can have everything, you know! Hot meals, a TV in your cell, a visit from your wife»). By

Judge Elena Stashina, for whom an incorrect stroke in the medical certificate became a reason for denying Magnitsky medical treatment four days prior to his death (“You want to know if I am human?” says the Iron Maiden. “No! Judges are not human!”).

It still remains to be seen who is more terrifying: these functionaries with shoulder boards in judicial robes, or the proverbial public, represented by two cuties, a female and a male nurse from the nearest ambulance service station. The former never even looked at the patient, who was being transferred from one detention center to another, only turned up the volume on the radio. The latter happily responded to the convoy’s request to leave the room, and walked around in the hallway for that same hour and eighteen minutes, enjoying his new cell phone. He tries to share that delight with the audience and is met with a genuine shout from one of the spectators: “So what’s with Magnitsky?!”

THE PRODUCTION IN THE FORM OF THE JUDGMENT DAY IS LACONIC AND VEHEMENT, BUT PARADOXICALLY IS AVOID MAKING POLITICAL STATESMENT.

A separate item on the Judgment Day agenda is the investigative experiment. Two people are perfecting a sketch (just like a teacher with a student during calisthenics exercises): an algorithm of movement of a person with necrotizing pancreatitis, who experiences “a knife-like pain that radiates across the body like a spider web”. Such a person would not survive more than five hours without surgery. And in the meantime life offers the authors an account that is hard to invent. From Magnitsky’s letters (he was voiced by director Boris Khlebnikov) we find out that he requested Shakespeare from the prison library and discovered that the page with the “To be or not to be” soliloquy was torn out from “Hamlet”. Say what you will, but this is the best hymn to the theatre amidst the wrathful philippics directed at a human being. Still, the producers allowed themselves at least one adjustment. During Judgment Day Judge Krivoruchko finds himself in Magnitsky’s shoes: he, too, has pains, you see, and he, too, needs boiling water. He knows perfectly well the price for boiling water, and he pays with no arguments. But here’s the trouble – he only has enough money for the water, but not for a glass. And so the boiling water pours onto the held out hands, seeming to release along with the judge’s scream a scream that was building up throughout the show. But before that happens, Krivoruchko will ask the audience for a glass, making each person think whether one should help someone who acted like a heartless automaton but suffers like a human being. And making them feel it in their skin that kindness is not logical, that it is above logic and more important than justice.

The formula “while playing the villain look for the good in him” was cast aside as useless.